

Облик, записной лист, вексель

(из истории долговых обязательств Беларуси)

Юрий ГРУЗИЦКИЙ,
профессор БГЭУ,
кандидат исторических наук

В XV–XVI вв. в Великом княжестве Литовском, в составе которого находились белорусские земли, шел процесс формирования общегосударственной денежной системы. Для организации бесперебойного обмена товарами все ярче проявлялась такая функция денег, как средство платежа. Деньги функционировали в качестве средства погашения взаимных обязательств, возникавших в связи с производством и реализацией товаров, активно способствуя формированию различных форм кредита.

Важное место в кредитных отношениях периода развитого феодализма стал занимать коммерческий кредит, который предоставлялся в товарной форме с отсрочкой платежа за передаваемый для продажи товар. Такие финансовые отношения часто складывались между купцами и ремесленниками. В отличие от обычных оформляемых в магистратских книгах кредитных сделок («опису на долг»), эта кредитная операция не фиксировалась подобным образом. Здесь оформление сделки производилось посредством соответствующего письменного долгового обязательства, которое называлось облик или церограф. Первые упоминания о подобных платежных документах в Беларуси относятся к середине 80-х годов XVI в.

Несомненно, речь идет о документе вексельного типа (от нем. *Weshsen* – менять), составленном с соблюдением определенных форм и представлявшем собой бесспорное де-

Возрождающийся в нашем суверенном государстве рынок ценных бумаг проходит сложный и противоречивый путь становления, связанный с преодолением многочисленных препятствий и преудбеждений. Среди различных видов ценных бумаг определенное место постепенно начинает занимать вексель, как универсальный инструмент расчетно-кредитных отношений. Между тем история векселя в Беларуси, как, впрочем, и в Западной Европе, уходит в глубь веков и насчитывает несколько столетий.

нежное обязательство. В XVII в. использование облика и церографа стало обыденным явлением и приобрело характерные черты современного векселя. Об этом свидетельствует появившаяся возможность передачи (перевода) векселя, а также его сдачи под залог для получения ссуды в денежной форме (косвенное кредитование).

Вскоре эта ценная бумага приобрела свойство обращаемости. Векселями, полученными у одних, рассчитывались с другими кредиторами. Существует немало примеров получения денежных ссуд под залог обликов и церографов. Так, могилевский купец Федор Глебович Бунтик, забрав у кожевника товар на 300 коп грошей (копа – счетная единица, составлявшая 60 грошей. – Ю.Г.), 70 коп уплатил наличными деньгами, а на 230 коп выдал церограф до 2 мая 1645 г. Под этот вексель ремесленник взял ссуду с обязательством уплатить при просрочке по 4 злотых (злотый – счетно-денежная единица в 30 грошей) за каждую неделю.

Имеются и другие примеры сдачи обликов и церографов под залог денежной суммы – косвенного кредитования. Обликами и церографами, взятыми у одного лица, можно было рассчитаться с другим. При оформлении такого обязательства указывалось, что должник должен погасить ссуду кредитору либо его на-

следнику, либо любому, «сей запис мой держачому». Долговые обязательства становятся средством обращения наряду с металлическими деньгами и являются прообразом кредитных бумажных денег. Так зарождался рынок ценных бумаг.

Кроме того, в белорусских письменных источниках второй половины 30-х – 60-х годов XVII в. встречается упоминание письменного обязательства вексельного типа – «монета контрактная», противопоставленного реальной монете и требующего выплаты определенной денежной суммы. В статутах Великого княжества Литовского, регламентирующих все стороны жизни этого феодального государства, за подделку финансовых обязательств предполагалось самое суровое взыскание: «лишением жизни наказывать».

Трудно достаточно последовательно выделить этапы становления векселя в Средневековой Беларуси, как, впрочем, и эволюцию его названия, так как долговые документы составлялись на основе складывавшихся столетиями традиций, обычаев (обычное право). Более широкое распространение получили ипотечный кредит и выдача ссуд под залог движимого имущества, получившие довольно подробную письменную правовую регламентацию. Со временем вексель становится уже менее связанным с торгов-

лей и ремесленным производством, несколько меняя свою экономическую функцию. Он становится более доступным для всех граждан, способных принимать на себя финансовые обязательства.

Еще к концу XVI в. в третьем Литовском Статуте (1588 г.) достаточно четко были определены как виды письменных долговых обязательств, так и их основные реквизиты. В седьмом разделе Статута «О записях и продажах» появился артикул 7 «О записях, которые должны быть приняты по закону без официального заявления, и о займах купеческих». В нем говорится «листах записных с печатью и собственноручной подписью и печатями людей, доверяя достойных», выданных на «сумму денег» и на определенный срок, которые «без официального признания», т.е. без санкции административных и судебных органов, должны приниматься для удовлетворения требований.

Налицо свидетельство бесспорного денежного обязательства, известного всем кредитного инструмента. Под печатями людей «доверяя достойных», надо полагать, подразумевались лица, выступавшие в роли поручителя по финансовому обязательству, которых сегодня называют авалистами. Это придавало большую надежность записному листу и означало принятие на себя ответственности «людьми достойными» за осуществление платежа.

При нежелании должником погасить ссуду по записным листам его вызывали в суд, который обязывал ответчика при достоверности долгового обязательства произвести платеж названной в листе суммы денег. Статут оговаривал, что никакие представленные ответчиком документы, оспаривавшие выданное им обязательство, су-

дом не принимаются. Более того, в случае непризнания должником своей подписи, которую суд признал подлинной, ему полагалось тюремное наказание сроком на шесть недель.

Обращает на себя внимание и существенное дополнение, завершавшее артикул 7, по которому «купцы, мещане и евреи» могли взыскивать свои долги с представителей привилегированного шляхетского сословия только через записные листы с названными реквизитами, а не по распространенным тогда «реестрам» – книгам, фиксировавшим финансовые и имущественные сделки, которые велись местными административными органами.

Однако лаконичность положений третьего Литовского Статута о письменных долговых обязательствах не позволяет судить о других свойствах записных листов: обрабатываемости, возможности передачи другому лицу, порядке денежных взысканий и др. Характерно, что после вхождения белорусских земель в конце XVIII в. в состав Российской империи нормы гражданского права Статута еще несколько десятилетий сохраняли свою силу. В 1811 и 1819 гг. царское правительство переиздавало Литовский Статут, оставив без изменения его седьмой раздел.

Вместе с тем интеграция Беларуси в общероссийское экономическое и финансовое пространство требовала признания тех долговых обязательств, которые были приняты в империи. Еще в 1729 г. в России появился первый вексельный устав, состоявший из трех глав: «О настоящих купеческих векселях», «О векселях на казенные деньги», «Формы и образцы внутренних векселей с толкованием», определивший порядок оформления «заемных писем» и других финансовых документов.

В отличие от Литовского Статута вексельное обращение в России регулировалось более четко, что устраняло различные споры по этим долговым обязательствам. Однако казенные векселя из-за сложности работы с ними вскоре вышли из обращения, и основное место заняли купеческие векселя и частных лиц. Царское правительство постоянно сужало круг лиц, которые могли обязываться векселями: для крестьян, находившихся в крепостном состоянии, дворян (из-за опасения роста их задолженности). Ограничение вексельной дееспособности различных слоев населения привело к тому, что этот финансовый инструмент стал доступен в основном для купечества.

Ввиду сохранения действия Статута на территории Беларуси указом от 8 мая 1773 г. было определено, что вексельные дела здесь должны решаться по статутным положениям – «польским законом». **В мае 1778 г. генерал-губернатор Полоцкого наместничества предложил разрешать финансовые споры по российским законам. Правительствующий Сенат согласился с таким мнением, если не будет противоречия в вексельных делах «белорусских обывателей» «польским законам».**

Но уже в первые годы пребывания белорусских земель в составе нового государства обнаружились проблемы в решении спорных дел по денежным обязательствам. В 1782 г. в Полоцком магистрате рассматривалась «апелляция» – протест по вексельному делу подлекаря Ковецкого к регистратору Адамовичу. Губернский прокурор, осуществлявший надзор за этим делом, вынужден был признать, что нельзя рассматривать такие апелляции по российскому законодательству, так как в Речи Посполитой не было вексельного устава, а по

праву статутному «есть только облики, но они не имеют той важности и кредита», как вексель в России.

В 1796 г. было решено, что вексельные дела должны поступать в поветовые суды, а в 1797 г. Сенат потребовал рассматривать в белорусских губерниях долговые обязательства («облиги или скрипты») в местных судах по Статуту, но с обязательным исполнением их на двух языках – польском и русском. Как видно, российское вексельное законодательство пока не утвердилось в северо-западных губерниях.

А тем временем в империи вексельное право продолжало свое развитие. Именным высочайшим указом 1797 г. предписывалось оформлять векселя только на гербовой бумаге. В конце 1800 г. появился Устав о банкротах, по которому «ясными и разбору не подлежащими» определялись «вексель, крепость, запись, контракт». В следующем году сенатским постановлением запрещалось принимать к протесту векселя, «писанные на простой бумаге».

В 1831 г. в Витебской и Могилевской, а в 1840 г. – в Виленской, Гродненской и Минской губерниях было отменено действие Статута 1588 г. и других старых актов, и на всей территории империи вводилось общероссийское законодательство. Однако можно предполагать, что еще какое-то время наши соотечественники продолжали по древней традиции использовать при вступлении во взаимные кредитные отношения все те же облики.

Между тем потребности нарождавшегося рынка требовали расширения сферы использования векселя. Положения вексельного устава 1729 г. существенно сужали рамки вексельных операций и не учитывали богатейшего опыта западно-ев-

ропейских стран. Поэтому в 1832 г. на основе германского и французского вексельного права был принят новый устав, внесший существенные изменения в вексельное законодательство.

Прежде всего, был значительно расширен круг лиц, имевших право обязываться векселями, за исключением духовенства, крестьян, не имевших недвижимости и не взявших торговых свидетельств, и замужних женщин без согласия супруга. Новый устав более четко уравнивал простой вексель к переводному, требовал по немецкому образцу вексельной метки: вексель («по сему моему векселю...») допускал бланковый индоссамент, четко определял порядок взыскания вексельного долга и др. Все это позволило значительно расширить сферу использования векселей. Новое вексельное законодательство получило теперь широкое распространение и на белорусских землях.

Во второй половине XIX в. быстро шло утверждение капитализма, развитие коммерческого кредита, начали учреждаться акционерные банки, что предопределило дальнейшую эволюцию вексельных отношений. К тому же использование некоторых норм, заимствованных на Западе, особенно во Франции, вызывало определенные сложности вексельного обращения.

Уже в середине XIX в. началась работа по составлению нового вексельного устава, к которой был подключен широкий круг заинтересованных лиц: биржевые комитеты, коммерческие суды, представители столичного купечества, видные юристы, в том числе зарубежные. Особое внимание уделялось изучению немецкого вексельного права, многие положения которого вполне подходили к российскому финансово-

му рынку. Итогом полувековой работы явился новый вексельный устав, принятый в 1902 г.

В основе нового вексельного права лежали отдельные разделы прежнего устава, предложения министерств юстиции и финансов, а также некоторые положения немецкого вексельного законодательства. В отличие от устава 1832 г. в новом вексельном законе были более четко определены реквизиты векселя, упрощена процедура его выдачи: теперь не требовалось специальной доверенности, отменялся индоссамент. Устранялся недостаток прежнего вексельного законодательства, в котором одновременно излагались нормы по применению простых и переводных векселей. Больше внимания уделялось простому векселю, более утвердившемуся тогда в Российской империи. Кроме того, расширялась ответственность поручителей по векселю, становившаяся солидарной, не допускались грационные дни (отсрочка для платежа) и др.

Вексельный устав 1902 г. представлял последнее в истории царской России законодательство по этому уникальному денежному документу. Революционные потрясения октября 1917 г. ликвидировали почти все действовавшие финансовые инструменты, практически похоронив рынок ценных бумаг. Однако в 1922 г., в непродолжительный период НЭПа, на некоторое время было возрождено вексельное обращение, полностью базировавшееся на том же уставе 1902 г. Известная кредитная реформа 1930–1932 гг. упразднила вексель на отечественном финансовом рынке почти до конца XX в. Однако богатый опыт организации вексельного обращения, накопленный прежними поколениями, и сегодня не утратил своей ценности. ■